

законов самостоятельных и экономич[еской] необходимости нет, а все явления экономич[еского] порядка мыслимы только как деятельность человека, существа нравственного и способного подчинять все свои действия [мотивам] чистого добра. Самостоятельный и безусловный для человека [закон] один — нравственный, и необходимость одна — нравственная». При этом «социал[изм] стоит на одной и той же почве с мещанским царством — на почве господства материального интереса. Как у капиталистов человек берётся лишь как экономич[еский] деятель: у одних экономич[еский] материал — капитал меньшинств, а у других — интерес рабочего, который такой же своекорыстный и не выше противников своих» (II, с. 706—707).

В столь неблагоприятных и даже враждебных условиях жизнь Яхонтова становилась настоящим подвигом. Со свойственным ему энтузиазмом в послереволюционные годы он берётся за устройство в губернии архивного и музейного дела. Собственно археологический музей появился в Рязани ещё в начале XX в., а Степан Дмитриевич заведовал им с 1905 г. В 1911 г. при содействии епархиального начальства Яхонтов создал и церковный музей, где хранились облачения, утварь, старинные иконы. Тогда же начались реставрационные работы (II, с. 70—85). Сохранение этого достояния после 1917 г. требовало невероятных усилий. Вместе с тем музейные фонды пополнялись ценностями, поступавшими из разорённых усадеб, монастырей и храмов. В конце 1920-х гг., когда многое уже было сделано, Яхонтову довелось пережить ещё более суровые испытания и невзгоды: арест, увольнение, нищету, болезни и немощь. За несколько месяцев до его смерти к этому добавилась и война, которая воспринималась им как неотразимое возмездие, сулившее неминуемую гибель безбожному государству и общественному строю. Падший мир погибал, а умиравший старик тем временем всё острее ощущал, ожидал и пронзительно описывал приближение — уже не столько врага, сколько вечности.

Олег Милевский: Элегия о провинциальной России

Oleg Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Elegy on provincial Russia

DOI: 10.31857/S086956870016613-5

Региональная история в России активно развивается. В силу громадных расстояний между столичными архивами и большинством университетских городов именно локальные сюжеты всё чаще привлекают внимание исследователей и обогащают отечественную историографию. Благодаря подвижнической деятельности учёных и архивистов за последние годы российское научное сообщество получило ряд новых и весьма важных источников. Выяснилось, что в провинции хранится масса интересного и ещё не опубликованного материала. В губернских городах Российской империи тоже текла научная жизнь, работали весьма даровитые историки, краеведы, этнографы, старательно изучавшие и сберегавшие памятники родной старины.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, бывшего одним из них, поражают своим объёмом, охватом огромного временного периода и многообразием сюжетов, затрагивающих разные стороны и пласты жизни русского общества. Это действительно завораживающее, часто очень грустное, а местами страшное повествование о судьбе провинциальной России начала XX в., полностью изменившей свой облик под влиянием войн и революций. Автор с горечью наблюдал, как «новые города строятся на новых местах, а мы столетние исторические города передельываем по нашей фантазии: ломаем исторические здания, чтобы

втиснуть в них наши “домыслы”, стильные исторические храмы обращаем в гаражи и склады под картофель и капусту» (I, с. 19).

28 ноября 1941 г. Яхонтов записал в дневнике: «Два ящика моих воспоминаний: поверьте, очень ценны! Но до кого они дойдут?» (II, с. 773). Теперь, если бы не скромный тираж, они были бы уже доступны широкому кругу читателей. Однако, готовя их к печати, публикаторы (П.В. Акульшин, Б.Г. Белоглазов, В.В. Коростылёв, Н.В. Пономаренко, Т.П. Синельникова) проделали гигантскую источниковедческую и текстологическую работу над автографом, состоящим из 14 книг (общим объёмом около 2 700 листов) с многочисленными поправками, исправлениями, рукописными схемами и рисунками мемуариста. При этом были сохранены и атрибутированы фрагменты дневниковых записей и писем Яхонтова, включённые им в текст воспоминаний.

Начинаются они с описания истории, топографии и природы родного села Яхонтова — Ухоря и его окрестностей. Тут же он как профессиональный историк характеризует местное дворянство (I, с. 51—53). Очень подробно, без излишних прикрас и идеализации, Яхонтов описал все периоды своего обучения и становления как преподавателя и учёного. Он начинал учёбу в Скопинском духовном училище, затем учился в рязанской семинарии, а закончил своё образование в Московской духовной академии, где на него произвели сильное впечатление лекции В.О. Ключевского. Степан Дмитриевич был буквально очарован. «Милый Василий Осипович! — вспоминал он на склоне лет. — Ни до, ни после не встречал я такого “Человека”, такого историка-художника слова и “воскресителя” прошлого русской жизни!» (I, с. 232).

28 июня 1880 г. Яхонтов получил место преподавателя латинского языка в Екатеринославской духовной семинарии, где проработал с августа 1880 по октябрь 1883 г. Вернувшись в конце 1883 г. в Рязань, Яхонтов прожил там следующие 59 лет, из которых 33 года преподавал историю в духовной семинарии, женском епархиальном училище, Мариинской женской гимназии, частных женской гимназии В.П. Екимецкой и мужской — Н.Н. Зелятрова.

Как справедливо отмечают публикаторы, его воспоминания о Екатеринославе и Рязани конца XIX — начала XX в. «являются подлинной энциклопедией жизни губернского города центральной России» (I, с. 11). Эти главы представляют большой интерес и для историков повседневности; особенно полно в них отражён быт женских и духовных учебных заведений. Вместе с тем талантливый и тонкий наблюдатель, а также очень практичный и бережливый человек, Яхонтов не упускал из виду и таких мелочей, как цены на рынке, стоимость домов и их ремонта, сорта груш и яблок, которые выращивались в садах, рецепты наливок и т.п. (I, с. 402, 815). Он с любопытством подмечал разницу в характере и поведении русских и украинцев и фиксировал распространение в среде разночинной интеллигенции «украинской идеи». С такой же точностью он описывал и перемены, происходившие в Рязани после революции.

Взгляды Яхонтова, убеждённого монархиста и консерватора, складывались с раннего детства под влиянием чтения (сказки, песенники, жития святых, лубочные картинки), сильной православной религиозности и патриархальных нравов семьи и села, где он родился и вырос. Он верил в «тысячелетнюю Русь» и её духовные традиции, считал идеалом царствование Александра III, в его высказываниях проскальзывали элементы панславизма и антисемитизма (I, с. 315, 317, 321, 336, 458).

Так или иначе, революционные потрясения, свидетелем которых он являлся, и знаковые общественно-политические события — русско-турецкая

война 1877—1878 гг., покушения народовольцев на императора Александра II и цареубийство 1 марта 1881 г., смерть Александра III и вступление на престол Николая II, Манифест 17 октября 1905 г. и выборы в Государственную думу, русско-японская и Первая мировая войны и т.д. — не оставляли Яхонтова равнодушным и весьма эмоционально описывались в его дневниковых записях и воспоминаниях. Обострённую реакцию у их автора вызывали и события, связанные с борьбой «великих держав» за передел мира. Так, 31 декабря 1900 г. Яхонтов давал в дневнике моральные оценки военным конфликтам в Китае, на Филиппинах и в Южной Африке. Тогда он видел в них «три фрукта духовной культуры XIX в.», оставившего «отвратительное наследство», и грядущий «англосаксонский рай», в основе которого — «разбой, грабёж и наглое плутовство» (I, с. 532).

Советский период жизни Яхонтова освещён в восьми книгах, отразивших его впечатления от крушения монархии, экономической разрухи, ужасов гражданской войны, гонений на Церковь, ареста и тюремного заключения в 1929—1930 гг. до начала Великой Отечественной войны. Церковная политика большевиков вызывала у Яхонтова особенно яростное неприятие. Ведь вера оставалась для него важнейшей ценностью. «Преданность Церкви есть продукт всей моей жизни, а теперь только ею и живёшь, и крепишься, в храме только отдых для души; всю прошлую церковность и дышишь до дна», — утверждал он в конце 1930-х гг. (II, с. 666).

Яхонтов описал и свою деятельность в губернском архиве и музее в 1919—1929 гг. Несмотря на достигнутые тогда успехи в организации краеведческой работы, музейного и архивного дела в губернии, итог этой работы не внушал мемуаристу оптимизма. «1929 год был для нас особенно тяжёл, — констатировал он. — Я из своего окошечка, конечно, не видел, что творилось во всём свете, но что около замечал, то убеждало меня в том, что в ближайшие годы из любимой старины русского быта останется немного, и я, как последний могиқан или последний язычник римлянин, кричу и записываю свою памятную книжечку» (II, с. 531). Формирование нового советского человека вызывало у Степана Дмитриевича, сохранившего приверженность старым идеалам, стойкое неприятие. Его отношение к переменам, происходившим в стране, корректно и убедительно проанализировано П.В. Акульшиным в послесловии ко второму тому «Советская эпоха в жизни и воспоминаниях С.Д. Яхонтова» (II, с. 788—797).

В последние десять лет жизни Яхонтов часто размышлял в дневнике о внешней политике СССР и «западных демократий», отзываясь о ней, как правило, весьма нелицеприятно. Когда Германия напала на Советский Союз, историк делал пессимистические прогнозы. «Война развивается до разрушения русского государства, — сетовал он 11 ноября 1941 г., видя, что враг уже находится на подступах к столице. — Общее наше — развал. По моему предсказанию, хотя не от одной причины» (II, с. 765). К счастью, это мрачное пророчество не исполнилось. Советские люди и руководившие ими власти, столь жёстко критиковавшиеся Яхонтовым, нашли в себе силы отразить врага и одержать победу. Более того, перелом в этой борьбе был уже близок. Однако откликнуться на разгром немецких войск под Москвой Степан Дмитриевич не успел. Он умер накануне Рождества 6 января 1942 г., оставив после себя ценнейший источник, позволяющий понять, как чуткий провинциальный историк на протяжении почти 80 лет воспринимал большие и малые события, происходившие с ним и вокруг него.